

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ПУТЁМ ПОКАЯНИЯ

Москва в Смутное время

В XVI веке Москва приняла на себя прекрасное, но тяжкое бремя. Город получил имена Второго Иерусалима и Третьего Рима. В нем появился собственный царь и собственный патриарх. Над кремлевскими зубцами засиял невидимый венец столицы восточного христианства.

Москва осознанно поднялась на невиданную доселе высоту. И государи наши, и архиереи, и книжные люди понимали, сколь высокое предназначение выпало на долю города.

Громадный и обременительный дар высоты на первых порах нашел для себя лишь одну подпорку – русскую государственную мощь, а этого явно недостаточно. Для того чтобы удержать его, требуются и благочестие, и смирение, и самоограничение, и христианское просвещение, и христианское нравственное очищение. Россия встала на этот путь, но первые шаги делала беззаботно и легкомысленно, не требуя от себя многого.

Именно эта нетребовательность привела Москву со всею страной к чудовищному падению. Правящий класс России – “мужи брани и совета” – оказался слишком падким на соблазны, чтобы достойно стоять на такой высоте. Слишком легко поддавался он властолюбию и корысти. Слишком мало в нем оказалось способности смиренно служить государю и земле.

История бедствий, обрушившихся на Москву, имеет, помимо материальной, еще и мистическую сторону. Великий город видел, как переполнялась постепенно чаша грехов. Как опрокинулась она. Как попытался наш народ наспех исправить дело. И сколь тяжелым, сколь жертвенным в конце концов оказался путь к покаянию, к “исправлению ума”...

Осенью 1604 года появился самозванец, назвавший себя царевичем Дмитрием Ивановичем. Настоящий царевич погиб за тринадцать лет до того. Смехотворные претензии ложного царского сына неожиданно запалили фитиль долгой и страшной войны.

Началась Смута.

Политический строй Московского государства обладал колоссальной прочностью и сопротивляемостью к внешним воздействиям. Но Смута началась изнутри. Самозванец, объявивший себя наследником русского государя, хотя и получал поддержку поляков, а все же ничего не сумел бы совершить в России, если бы не внутренняя трещина, легшая поперек государственного устройства.

Трещина эта имела два ответвления.

С одной стороны, российская экономика так и не восстановилась полностью со времен страшного напряжения сил в годы Ливонской войны. Спокойное правление Федора Ивановича сыграло роль благодатной передышки, но старые раны еще не успели зажить до конца. А при Борисе Годунове страшный голод обрушился на страну. Правительство могло выводить державу из кризиса, только усиливая давление на крестьян, — они кормили войско, на них держалось финансовое благополучие государственных учреждений. И до поры до времени крестьянство предпочитало терпеть нарастающее утешение. Но горячий материал множился...

С другой стороны, знатные люди Московского государства косо смотрели на самого царя. Пусть он даровитый политик, пусть он умелый дипломат, пусть он показал свою силу, переламывая хребты древней аристократии. Но... не по праву он на троне, и тем плох.

Никакая политическая мудрость, никакая сила не исправит государю Борису Федоровичу его кровь. А по крови он, хоть и царский шурина, но из второстепенного рода. Не погибни младший брат царя Федора Ивановича, не скончался государева дочь, не видать Борису Годунову престола как своих ушей. Однако и после их смерти в Москве оставалось достаточно аристократов, имевших больше прав на престол, чем Годунов. К тому же, в нем подзревали убийцу государева брата — царевича Дмитрия, а порой и самого царя Федора Ивановича. Борис Федорович, восходя на трон, получил санкцию от Земского собора и благословение от Церкви в лице патриарха Иова. Но как только появился Лжедмитрий I, все эти удерживающие скрепы посыпались трухой.

Сам Годунов еще мог сдерживать натиск Самозванца. Но он скончался в разгар боевых действий, а род его защитить себя не сумел и был уничтожен.

Лжедмитрий I вошел в Москву.

Большая часть русского общества приняла Расстригу как царевича Дмитрия, действительного сына царского. Это для нас он Лжедмитрий. А тогда подавляющее большинство русских восприняло историю с его чудесным “воскрешением” и восшествием на престол как восстановление правды самим Господом. Эйфорическое отношение к “государю Дмитрию Ивановичу” продержалось довольно долго. Отрезвление наступило не скоро и не у всех.

Лояльность в отношении Лжедмитрия питалась и неприязненным отношением к Борису Годунову. “Спасшемся царевичу” поверили, поскольку очень многие были недовольны предыдущим правлением. “Низвержение династии Годуновых и Патриарха Иова, — пишет современный историк Василий Ульяновский, — осуществлял не Самозванец. Оно происходило до его вступления в Москву. Действовали подданные царя Бориса и паства Патриарха... Низвержение Годуновых, целый поэтапный церемониал (античин) их уничтожения был как бы символическим действием делигитимизации их “царства”... При этом руками подданных вершилась Божия кара “неправому царству”. Низложение Иова составляло к этому как бы парный обряд лишения священства того первоиерарха Церкви, который подал освящение (помазание) “неправому царству”¹. Русская знать и русское дворянство в подавляющем большинстве своем приняли Лжедмитрия. Служить ему не считалось зазорным.

Но долго терпеть поляков в Москве и служить царице-польке Марине Мнишек не стали. Лжедмитрий пал, воцарился Шуйский.

Идея самозванчества имела гибельную притягательность для русского общества. На смену Лжедмитрию I и его “воеводе” Болотникову скоро явился новый мятежник, принявший ложное имя “царя Дмитрия Ивановича”.

Отчего воцарение природного русского аристократа, высокородного Рюриковича Шуйского не успокоило Россию? Отчего страна с такой легкостью поднялась на новые бунты?

Трудно представить себе, что русское общество столь долго обманывалось на счет самозванцев и добросовестно верило в очередное “чудесное спасение” Дмитрия. Некоторые — возможно. Огромная масса — вряд ли... Имя царя, уничтожившего род Годуновых, имело большую притягательную силу, но со временем все меньше в этой притягательности сохранялось сакральное, и всё больше — сатанинского, соблазнительного. Люди с мятежными устремлениями жаждали получить нового “Дмитрия Ивановича”, дабы именем его творить бесчинства и добиваться власти. Россия наполнилась самозван-

цами. Лжедмитрии, попавшие на страницы учебников, далеко не исчерпывают страшного русского увлечения безжалостным авантюризмом под маскою “восстановления справедливости”. Новых “царей” и “царевичей” лепила свита, выпекала бунташная толпа, а подавали к столу отчаянные честолюбцы. Немногие из них правдиво заблуждались. Большинство цинично искало своей корысти.

При Василии Шуйском оставались в действии как минимум три причины для всеобщего кипения в русском котле.

Во-первых, экономическое состояние страны ничуть не улучшилось, оно лишь упало еще ниже. Крайне угнетенное состояние крестьянской массы заставляло ее приходить в движение. Земледельцы покидали села и деревни, отыскивая лучшей доли, нападали на вотчинников и помещиков своих, подавались в казаки. Иными словами, сельские хозяева отрывались от размеренной и правильной жизни, составляя пищу для подвижливой стихии бунта. Ничто не ослабляло утеснения, вынужденно предпринимаемого правительством в отношении крестьян. Но теперь они нередко предпочитали восстание и смертельный риск размеренному быту прежней жизни.

Во-вторых, смерть Лжедмитрия ослабила иноземный элемент в столице, но никак не решила проблем, связанных с состоянием военно-служилого класса России. Шуйский смотрелся на троне “честнее” Годунова. Тот поднялся из московской знати второго сорта, если не третьего, а Шуйские всегда стояли на самом ее верху. Но Василий Иванович был одним из аристократов, и он привел к власти одну из партий придворной знати. Другие партии не видели для себя никакого улучшения. Что для них Шуйский? Свой человек, однако... равный прочим “столпам царства”, знатнейшим князьям и боярам. Отчего же именно ему быть первым среди равных? Князь Федор Иванович Мстиславский еще, пожалуй, повыше станет, если посчитать по местническим “случаям”. А может, и князь Василий Васильевич Голицын. И Черкасские... и Трубецкие где-то рядом... и Романовы... и... Н-да... Московское государство было до отказа набито умной, храброй, неплохо образованной и яростно честолюбивой знатью. Политические амбиции были у нее в крови, витальной энергии хватало бы на десяток царств.

Русская держава долгое время сдерживала горячий пар боярского честолюбия, распиривший ее изнутри. Но Борис Годунов, при всех его неординарных политических достоинствах, проделал в сдерживающей поверхности слишком большую дыру – указал путь к трону, личным примером “разрешил” рваться к нему без разбора средств... Теперь никакая сила не могла заделать отверстие, оно только расширялось. Каждый новый царь, будь он стократ знатнее Годунова, вызывал у больших вельмож страшный вопрос: “Почему не я?” И коллективное сознание русской знати не знало ответа на этот вопрос.

А снизу, из провинции, шел еще один поток раскаленного честолюбия. Провинциальное дворянство наше еще со времен царя Федора Ивановича было прочно заперто на нижних ступенях служилой лестницы. Никакого хода наверх! Там, наверху, – “родословные люди”, их и без того очень много, им самим места не хватает. Семьдесят-восемьдесят родов делят меж собою лучшие чины и должности, еще сотня родов подбирает менее значимые, но всё же “честные” назначения, а остальным – что? Дырку от московской баранки! Эй, господа великородные бояре! – словно кричали аристократам снизу – да к чему нам ваша местническая иерархия? Какая нам от нее польза? А не пощекотать ли ее ножичком? Авось выйдет дырочка, а в ту дырочку войдут люди храбрые, служильцы искусные из дальних городов. Дайте нам московского хлебушка! Нет у нас ни крошечки от сладких пирогов воеводских да думных, так дайте же, дайте, дайте!

И шел русский дворянин к Ивану Болотникову, и шел к Истоме Пашкову, и шел к иным “полевым командирам” Великой смуты, осененным “святым” именем “царя Дмитрия Ивановича”. Не крестьяне и не казаки составляли основную силу повстанческих армий ранней Смуты, нет. Служилый человек по отчеству шел из дальнего города к Москве, желая силой оружия вырвать повышение по службе, закрытое для него обычаями прежней служилой системы.

В-третьих, главное: пал великий сакральный идеал Русского царства. Было оно Третьим Римом, Вторым Иерусалимом, а стало Вавилонскою блудней! Власть государя для всего народа, кроме, быть может, высшего слоя знати, долгое время окружена была священной стеной почтительного отноше-

ния. Монарх парил над подданными, монарх был в первую очередь защитником христианства, главным со-работником Церкви в великом православном делании, справедливым судьей, Божьим слугой на русской земле. Старая смута середины XV века, когда князья московского дома грызли друг друга, подобно волкам, давно забылась. Но запах новой смуты появился в Московском государстве после того, как у подножия трона началась неприглядная суета. Странная смерть царевича Дмитрия, о которой глава следственной комиссии князь Василий Иванович Шуйский трижды говорил разные вещи: то “несчастный случай”, то “чудесное спасение”, то “убиен от Годуновых”. Странное восшествие на престол царя Бориса. Ну не та у него была кровь! И мнение всей земли, высказанное на Земском соборе, оказалось недостаточным аргументом против смутных настроений. Восстание Расстриги. Убиение царского сына и невенчанного царя Федора Борисовича. А потом и убиение самого Лжедмитрия I. Да кем бы он ни был, а Церковь венчала его как законного государя, и, стало быть, погубление Самозванца – преступление против Церкви. А восшествие царя Василия Ивановича на престол даже Земского собора не знало...

Подлая суета, связанная с прекращением старой династии московских Юриковичей-Даниловичей, а также совершенные ради трона преступления донельзя опустили и сакральность царской власти, и общественный идеал верного служения государю. Еще он сохранялся, но сильно обветшал. Общество чем дальше, тем больше развращалось. Соображения простой личной пользы все больше побеждали долг и веру как традиционные основы русской жизни...

Государя Василия Ивановича ждало одно только усиление источников Смуты. Он вышел на неравную борьбу.

Лжедмитрий II, разбив армию Василия Шуйского, летом 1608 года подошел к Москве и осадил ее. По своему лагерю, располагавшемуся в Тушине, он получил прозвище “тушинский вор”.

На подступах к столице шли кровавые столкновения. Бой следовал за боем. Из подмосковного лагеря отряды “тушинского вора” расползались по всей России. Они носили с собой имя Дмитрия – то ли живого, то ли мертвого, Бог весть... И это страшное имя действовало как искра, упавшая на сухую траву. Тут и там разгорались малые бунты. Два десятка городов – Псков, Вологда, Муром, залесские и поволжские области – присягнули на верность Лжедмитрию II. Польские отряды, казачьи шайки, группы недовольного Шуйским провинциального русского дворянства и всякий случайный сброд пополняли его воинство.

Более того, высокородная московская знать, почуяв за тушинским “цариком” силу, принялась “перелетать” к нему. А за нею потянулись дворяне, дьяки, придворные разных чинов.

Царю Василию Ивановичу с каждой неделей становилось всё труднее находить преданных военачальников и администраторов. Наказывая кого-то за явные оплошности, прямое неповиновение или же за отступления от закона, царь мог завтра недосчитаться еще одной персоны в лагере своих сторонников. Не наказывая и даже даруя самое милостивое жалование, государь все равно имел шанс нарваться на очередной “перелет”: в Тушине обещали многое, а служба законному монарху стала рискованным делом... Того и гляди войдет “царик” в Кремль, ссадит Шуйского, а верным его служильцам пошибает головы!

В ту пору “изменный обычай” привился к русской знати. Многими нарушение присяги воспринималось теперь как невеликий грех. О легкой простуде беспокоились больше, нежели о крестном целовании. То развращение, о котором говорилось выше, с особенной силой развивалось в верхних слоях русского общества.

Летописец с горечью пишет: государю пришлось заново приводить своих подданных к присяге, но очень скоро о ней забывали: “Царь... Василий, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити [в Москве] и говорити ратным людям, хто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали крест; а кои не похотят в осаде сидеть, ехати из Москвы не бегом (то есть не украдкой, а открыто. — Д. В.). Все же начаша крест целовати, что хотяху все помереть за дом Пречистые Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день

и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяна московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие...”²

Правление Шуйского – время, когда верность оказалась вещью неудобной и стеснительной. Но за Шуйского еще стояли многие, Смута не сразу до такой степени развратила умы, чтобы измена, комфортная и прибыльная, сделалась нормой. Изменять стало легче, укору за измену слышались реже, но “прямая” и честная служба все еще оставалась для многих идеалом.

В том-то и состоит значение тех лет, когда правил Шуйский! Государя Василия Ивановича ругали современники, скверно отзывались о нем и потомки. Но он был последним, кто отчаянно стоял за сохранение старого русского порядка. При нем еще жило Московское государство, каким создал его величественный XVI век – с твердо определенными обычаями и отношениями между разными группами людей, с прочной верой, со строго установленными правилами службы, с почтением к Церкви, с фигурой государя, высоко вознесенной над подданными. Этот порядок, истерзанный, покалеченный, со страшно кровоточащими ранами, все же находил себе защитников. Сам царь, интриган и лукавец, проявлял недюжинный ум, энергию и отвагу, отстаивая его. Может быть, твердость Шуйского, не до конца оцененная по сию пору, оказалась тем фундаментом, без которого выход из Смуты был бы найден позднее и при ещё больших потерях. А то и не был бы найден вовсе... Шуйский отчаянными усилиями очень долго задерживал Россию на краю пропасти. Он хранил то, что его же знать беречь уже не хотела. И его твердость многих воодушевляла.

Пока царь стоит под стягом, сражение еще не проиграно...

Василий Иванович был “выкликнут” на царство группой его сторонников после свержения Лжедмитрия I. Его венчал на царство не патриарх, а всего лишь один из архиереев – по разным данным, то ли митрополит Новгородский, то ли митрополит Казанский. Он не мог решить проблем, стоящих перед страной, поскольку решением их могло стать лишь ужасающее кровопускание, смерть крови буйной и мятежной, в изобилии текущей по сосудам страны, да еще покаяние народа в грехах с последующей переменой ума. Но он был – прямой царь, делавший то, что и положено делать русскому православному государю.

В таких условиях стоять за царя означало: стоять за старый порядок. По большому счету, вообще за порядок. И это – нормальный человеческий выбор.

В 1609 году польский король Сигизмунд III открыто вторгся на русские земли и осадил Смоленск. Воевода смоленский Михаил Борисович Шеин стойко держал оборону от поляков, отбивал их приступы.

На помощь Шеину из Москвы отправилась рать под общим командованием князя Дмитрия Ивановича Шуйского с приданными ей отрядами западноевропейских наемников. Против нее пошел талантливый польский полководец гетман Жолкевский. Армия союзников страдала от худого управления, между русским командованием и офицерами иноземцев установились нелады. Последние возмущались из-за невыплаты жалования. Несогласованность в действиях иноземных отрядов и русских полков лишала их возможности вести совместную борьбу с грозным неприятелем. Итог – настоящая военная катастрофа, постигшая Д. И. Шуйского 24 июня под Клушином. После Клушинского поражения Жолкевскому сдалась русская армия, оборонявшая Царево Займище. Затем пали Можайск, Борисов, Верея и Руза.

После Клушинского разгрома государь Василий Иванович лишился армии. Более того, он утратил всякий авторитет. Смутное время утвердило в умах людей странное, нехристианское представление об особой удаче общественного лидера или же об отсутствии этой удаче – словно они даются не силой личности и не милостью Божьей, а являются каким-то химическим свойством вожака. Люди вернулись к древним, почти первобытным идеям о достоинствах правителей. Так вот, новое поражение Шуйского одни сочли признаком неправоты его дела перед лицом сил небесных, другие – утратой “химической” удачи. Ну а третьи... третьи просто увидели в материальной слабости правительства повод для переворота.

В июле 1610 года совершилось восстание против монарха. “И собрались разные люди царствующего града, — пишет русский книжник того времени, — и пришли на государев двор и провозгласили: “Пусть-де отобрана будет царская власть у царя Василия, поскольку он кровопийца, все подданные за него от меча погибли, и города разрушены, и все Российское государство пришло в запустение”³. Ну, разумеется. А еще его некому охранять, поскольку воинство его разбито, и, следовательно, можно над ним как угодно изгаляться.

Государя ссадили с престола, затем попытались принудить его к пострижению во иноки. Вскоре законного русского царя Василия Ивановича передали в руки его врагов, поляков.

Два с лишним года в плену томился он сам и его семейство. Осенью 1612-го Василий Шуйский и брат его Дмитрий с супругой Екатериной ушли из жизни с подозрительной стремительностью... Девять лет спустя в Россию вернется лишь князь Иван Иванович Шуйский-Пуговка, не являвшийся ни крупным политическим деятелем, ни крупным полководцем. Младший брат единственного московского государя из династии Шуйских претендовать на царство уже не смел...

В отношении Василия Шуйского русской знатью и русским дворянством было совершено чудовищное преступление.

Это злодеяние показало, каких глубин достигло духовное разращение нашего общества. Царя принудили “положить посох” те, кто давал ему присягу. Свергая законного монарха с престола, они даже не успели договориться о кандидатуре его преемника. После Шуйского политическая система России оказалась обезглавленной. Кое-кто из заговорщиков мечтал лично занять московский престол, кое-кто симпатизировал Лжедмитрию II, и очень влиятельная партия желала сделать русским царем польского королевича Владислава. Это означает, что наша политическая элита, по сути, обратилась в свору собак, недавно пожравших вожака и приготовившихся грызться за его место.

Два года — с июля 1610 по октябрь 1612-го — дно Смуты. Самый мрачный ее период.

Полноценная государственность на территории бывшей Русской державы не существует. Служебная иерархия стремительно распадается. Столичные органы власти ни в малой мере не контролируют провинцию. Россия разорвана в клочья, и отдельными ее областями управляют разные силы. Казалось, Московское государство исчезло. Северные области его заберут шведы, центральные окажутся под властью Речи Посполитой, а юг безнадежно обезлюдеет под натиском татар...

Вместо царя составилось необыкновенное для Руси боярское правительство, вошедшее в историю как Семибоярщина⁴. В исторической литературе иногда встречается сравнение Семибоярщины с боярскими комиссиями, остававшимися на управлении в Москве, пока государь выезжал за пределы столицы, — например, на многодневное богомолье. Но гораздо больше Семибоярщина напоминает польский аристократический сенат. В ее состав вошли князь Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Б. М. Лыков-Оболенский, а также отпрыски старомосковских боярских родов И. Н. Романов и Ф. И. Шереметев. Из Рюрикова рода — только двое: Воротынский и Лыков. Первый мог бы претендовать на трон, но был неудачливым полководцем и не особенно популярным человеком. Второму явно не хватало знатности. Русская знать давно вела переговоры с Сигизмундом III о возведении на трон сына его Владислава — знатные “тушинцы” заключили с ним подобное соглашение несколькими месяцами ранее. Теперь Семибоярщина открыто заявила о своем желании поставить королевича на место Шуйского. Кого-то из русских аристократов заворачивали вольности польской шляхты, а кого-то манила возможность навести в стране порядок хотя бы с помощью иноземной военной силы...

Под Смоленск отправилось официальное посольство. Владиславу давали престол, ежели он примет православие, сам король отступится от Смоленска и прочих российских городов, а польские войска помогут с разгромом Лжедмитрия II⁵. И вышло бы именно так, если бы во главе Речи Посполитой стоял разумный монарх, а не глупец и фанатичный выученик иезуитов. Испытывая неприязнь к православию, Сигизмунд не желал его ни для себя, ни для сына. От Смоленска он отходить не стал. Более того, выразил стремление самому

воцариться на Москве. Королю прямо в руки плыла золотая рыбка, а он отворачивался от нее из-за того, что хотел на ее месте увидеть платинового слона. Посольство заколебалось. Да и в Москве столь наглые притязания Сигизмунда вызвали разногласия. Владиславу присягали, но не все и медленно. Договор-то не получил подтверждения у Сигизмунда... Но какая сила теперь посмела бы ему сопротивляться, если бояре сами впустили в Москву польско-литовскую армию?!

Она-то и получила значение силы господствующей...

Под защитой ее оружия король, презрев требования посольства, посадил в русской столице администрацию, состоящую из явных сторонников польского владычества. Михаил Салтыков, а с ним Федор Андронов, Иван Безобразов, Михаил Молчанов и др. Королевич Владислав так и не появился в Москве. Боярское правительство, по большому счету, утратило власть. Зато... оно получило защиту от низов, недовольных губительными соглашениями с Сигизмундом. Русские же войска, особенно стрелецкие сотни, были выведены из столицы в дальние города.

“О горе и люто есть Московскому государству! – в ужасе восклицает летописец. – Как не побояшесь Бога, не попомня своего крестного целования и не постыдясь ото всея вселенная сраму, не помроша за дом Божий Пречистая Богородицы и за крестное целование государю своему! Самохотением своим отдаша Московское государство в латыни и государя своего в плен! О горе нам! Как нам явится на праведном Суде Избавителю своему Христу? Как нам ответ дати за такие грехи?”⁶

Другой русский книжник в свойственной XVII веку деликатной манере высказался об умственных способностях Семибоярщины: “Семь же бояр державы Московской все правление землей Русской передали в руки литовских воевод, ибо не осталось премудрых старцев и силы оставили дивных советников... Все же это Бог навел на нас за множайшие грехи наши”⁷. Силы оставили дивных советников... О! Умели же когда-то с необыкновенным почтением назвать правительственную политику идиотизмом.

И. Хворостинин, книжник, менее корректен: “И были мы обесславлены и лишены надежды всякой, и большой чести мы удостоились у иноверного царя – получили мы в славном городе Москве еретиков, врагов Божьего креста, многочисленные полки поляков и других иноплеменников и воинов, готовых сражаться ради своей славы. Наши же бояре из страха, а иные ради корысти, вошли в соглашение с ними, и повелели выйти из города воинам наших полков, и такой услугой врагам обезопасили себя и дом свой”⁸.

Русский корабль ударился днищем о подводные камни, трюм его наполнился холодной водой, появились громадные отверстия в бортах. Парус его сорвало ветром.

Нет надежды...

Нет спасения...

Нет любви между людьми...

Но вера еще сохранилась.

Именно из веры появилась новая сила, нравственно очистившая русское общество и объединившая тех, кто хотел восстановить русское государство.

Первое время она состояла из одного-единственного человека. Зато человеком этим стал сам патриарх Гермоген.

Политическая позиция его была проста – он стоял на стороне православия и всегда вел дело к торжеству истинной веры. Как только в боярском правительстве возникла идея отдать русский трон представителю зарубежной династии, например, польскому королевичу Владиславу, Гермоген поставил условие: правителем России может быть только православный человек. И если дело дойдет до Владислава, то ему придется перейти из католичества в православие. Далеко не все готовы были тогда проявить твердость в этом вопросе. Впоследствии, как уже говорилось, король Сигизмунд III пожелал стать государем российским вместо сына, Владислава. Об отказе от католичества он и слышать не хотел. Когда русская знать принялась поддаваться на его требования, патриарх во всеуслышание запретил москвичам целовать крест Сигизмунду.

Патриарх требует от провинциальных архиереев рассылать “учительные грамоты” начальствующим людям и в войска, “...чтоб унимали грабеж, со-

храняли братство и, как обещались положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили”⁹. Гермоген просит паству соблюдать телесную и душевную чистоту, благословляет стоять за веру “неподвижно”.

Духовная твердость Гермогена вызвала в москвичах и жителях провинциальных городов желание сопротивляться “латынству”. А если “латынству”, то и полякам, принесшим его на остриях сабель. Знать готова была полонизироваться. Но народ — нет.

Не сразу — недели прошли, а за ними и месяцы — но постепенно русский мир стал набухать новой “партией”, стремящейся противостоять католицизму, оккупантам и, в конечном итоге, вернуть старый государственный порядок. В следующем, 1611 году, вызрело это новое истинно-консервативное общественное движение.

Поляки скоро разглядели, что первый неприятель их — Гермоген. Завхватчики видели в нем “главного виновника мятежей московских”¹⁰. У их русских приспешников патриарх вызывал ненависть. Поэтому первоиерарх нашей Церкви оказался лишен свободы.

“За приставы” посадили его отнюдь не поляки и не литовцы, а наш же соотечественник Михаил Салтыков — главный пособник интервентов в московской администрации. Маленький Иуда, прощя говоря. Причин у ареста было две: во-первых, Гермогена обвиняли в том, что он рассылает по отдаленным городам письма, призывающие бороться за веру и против оккупантов. Так, видимо, и было. Ему вменили в обязанность сочинить успокоительные послания, но патриарх отказался наотрез. Во-вторых, Гермоген осуждал устройство католического костела на дворе, принадлежавшем когда-то царю Борису Федоровичу.

Боярское правительство, пытаясь сделать Гермогена более сговорчивым, на время выпустило его из-под стражи и даже разрешило вести богослужение на Вербное воскресенье 1611 года. Но в дальнейшем, пользуясь терминологией XX века, склонить его к “сотрудничеству с оккупантами” не удалось. Когда позиция Гермогена породила земское освободительное движение, от него потребовали разослать грамоты, призывающие повстанцев отойти от Москвы. Ему угрожали “злой смертью” в случае несогласия. Ответ Гермогена известен в летописном пересказе: “Что... вы мне угрожаете, одного Бога я боюсь; если вы пойдете, все литовские люди, из Московского государства, я их благословлю отойти прочь; а если будете стоять... я благословлю всех против вас стоять и помереть за православную христианскую веру”.

Если арестовывали его русские, то сторожей к нему приставили польских, из “надежнейших людей”¹¹. Гермогену не позволяли выйти из заточения и никого не допускали свидеться с ним. В начале 1612 года, по словам летописи, патриарха “уморили голодной смертью”.

Поздно!

Еще за год до того новая сила, вышедшая из одного человека, как полноводная река из малого источника, заявила о себе в полный голос.

Патриарх Гермоген — фигура, залитая светом, прозрачная, все главные его дела высвечены солнцем, всякое его поучение ясно. Как пастырь духовный, он говорил: следует стоять за веру, не колеблясь. Вокруг ложь и беснование? Будь тверд. Требуется претерпеть мучения? Претерпи, только не отступай от истины. Потребовалось смерть принять? Прими, это большое благо. И сам он поступал так, как требовал от “словесного стада”: не шатался в истине, терпел муки и отдал жизнь, когда ничего, кроме жизни, у него уже не оставалось. Его и канонизировали в 1913 году как священномученика.

Гермоген — камень веры. Он из тех, кого можно положить в фундамент любого здания, и здание будет стоять прочно.

Первое земское ополчение начало собираться на Рязанщине, под стягами дворянина Прокофия Петровича Ляпунова. Помогал ему зарайский воевода князь Пожарский.

Земское освободительное движение, находясь еще в пленках, много выиграло от гибели Лжедмитрия II в декабре 1610 года. Русские города и земли, страдая от наглых и алчных иноземных “гостей”, колебались: кого поддерживать? Но как только ушел из жизни “тушинский вор”, поле выбора резко сузилось. Конечно, еще оставалась в Калуге Марина Мнишек и ее новорожден-

ный сын Иван. Однако в 1610 году мало кто решался всерьез “поставить” на эти фигуры.

Старший боярин “тушинцев”, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой решил присоединиться к Ляпунову. Вместе с ним на сторону Ляпунова встал казачий вожак Иван Заруцкий.

На протяжении января-февраля 1611 года к коалиции Рязани Ляпунова, Зарайска Пожарского и Калуги Трубецкого стремительно присоединяются новые города и области. За Калугой встала еще и Тула, да вся Северская земля. Коломничи действовали вместе с зарайским отрядом.

Изъявили готовность прислать воинские отряды: Нижний Новгород, Ярославль, Муром, Вологда, Романов, Галич, Кострома, Кашин, Бежецкий Верх, Углич, Серпухов (туда неприятель отправил карательную экспедицию)...

Наконец, большую силу дали Владимир с Суздалем, где стояли войска знатного дворянина Артемия Измайлова и казачьего атамана Андрея Просовецкого. Особенно значительным отрядом располагал последний – еще один видный авантюрист смутных лет, “малый Заруцкий”.

Вся эта разнородная, пестрая масса пришла в движение. Провинциальные дворяне и покинувшие столицу московские стрельцы, посадские жители, сделавшиеся ополченцами, множество казаков... Тысячи бойцов земского воинства не имели пока общей идеи, помимо стояния за веру и борьбы с поляками. Искренние патриоты мешались с пошлыми честолюбцами. Никто не знал, какие шаги предпринять вслед за победою над иноземцами. Вернее, имелось несколько мнений на сей счет, но ни одно из них не получило преобладания.

Великое дело очищения столицы пока еще заражено духом Смуты. Чистое воодушевление, поднявшее людей на борьбу с жестоким неприятелем, разбавлено куда более низменными чувствами. Кое-кто ждет добычи от похода на Москву, кое-кто – большей власти.

На протяжении февраля и марта разрозненные силы повстанцев стягиваются к русской столице. Вожди ополчения, и прежде прочих Ляпунов, заводят тайные связи с сочувствующими их делу людьми в самой Москве.

19 марта, до подхода главных сил ополчения, в столице вспыхивает восстание.

Москве предстояло пережить страшные дни.

Сорок лет прошло с тех пор, как великий город погиб в ужасающем огне при нашествии Девлет-Гирея с его крымцами. Москва давно восстановила силы и поднялась в прежнем великолепии. Она выглядела зрелой красавицей, величественной и прекрасной, она вот уже два с половиной века носила монарший венец, она как будто рождена была править Русью.

Рожденная для порфиры, Порфирогенита...

За последние годы ей пришлось видеть много скверного на своих улицах и площадях, в храмах и палатах. Столько жестокости, предательства, вероломства, своекорыстия! Ее как будто захлестнули мутные волны наводнения. Во всех своих царских одеждах Москва упала на грязное дно греха.

И вот теперь, когда нашлись силы, стремящиеся к очищению, в неделю Страстей Христовых предстояло пострадать Великому городу. Нестерпимая мука ждала русскую столицу.

Очистительный огонь выжжет, испарит грязные воды Смуты, но боль жертвы, приносимой на этом огне, будет столь сильна, что Москва на время перестанет существовать.

В Страстную неделю 1611 года Москва как будто примет свое распятие...

19 марта грянул бой, разошедшийся по многим улицам от Китай-города и Кремля.

Бой за Великий город отличался необыкновенным ожесточением: поляки штурмовали русские баррикады, а их защитники расстреливали толпы интервентов из ружей и пушек. Именно тогда среди вождей “Страстного восстания” высветилась фигура Дмитрия Михайловича Пожарского.

Польские отряды устроили дикую резню в Китай-городе, положив тысячи русских, большей частью мирных жителей. Затем они вышли из-за стен и попытались утихомирить море людское, двигаясь по улицам русской столицы. Отряд, наступавший по Тверской улице, наткнулся на сопротивление в стрельческих слободах и остановился. Движение по Сретенке также затормозилось,

обнаружив мощный очаг сопротивления: “На Сретенской улице, соединившись с пушкарями, князь Дмитрий Михайлович Пожарский начал с ними биться, и их (поляков. — Д. В.) отбили, и в город втоптали, а сами поставили острог у [церкви] Введения Пречистой Богородицы”¹². Дмитрий Михайлович применил наиболее эффективную тактику: использование баррикад, завалов, малых древо-земляных укреплений. Против них тяжеловооруженная польская конница оказалась бессильна. Ее напор, ее мощь, ее организованность пасовали в подобных условиях.

Карательные отряды поляков удалось остановить на нескольких направлениях. Выйдя из Китайгородских ворот, они устремились к Язуе мимо Всехсвятской церкви на Кулишках. Не сразу, с трудом, но их атаки отбил Иван Матвеевич Бутурлин. Он занял крепкую позицию “в Яузских воротах”¹³.

Вражескую группу, устремившуюся в Замоскворечье по льду, встретил Иван Колтовский с сильным отрядом. Там карателям пришлось туго.

Позднее поляки в своих воспоминаниях признавали: как только они перешли на территорию Белого города, охватывавшего полукольцом Кремль и Китай-город, их дела пошли хуже некуда. “Тут нам управиться было труднее, — говорит один из них, — здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицы столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защиту своих загоронок стреляют по нам из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, т. е. всадники, не в силах ничего сделать, отступаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю. . .”¹⁴.

Неся огромные потери, поляки решили зажечь Москву, лишь бы не потерять ее. Страшный пожар уничтожил большую часть российской столицы. Бои, шедшие 20 марта, прошли под знаком борьбы не только с вражеским гарнизоном, но и с огненной стихией.

Начальнику поляков Гонсевскому и его младшим командирам подсказали эту мысль — спалить город — русские же приспешники. Тот же Михаил Салтыков, усердствуя, первым ринулся жечь собственный двор. Однако 19 марта эта тактика не принесла им ощутимого успеха. Она просто дала возможность уцелеть тем отрядам, которые отступали под натиском восставших. Как говорит летопись, “. . . Москва в тот день пожгли немного: от Кулишских ворот по Покровку, от Чертожских ворот по Тверскую улицу”. Из этих районов повстанцы вынуждены были отступить. Одновременно огню и неприятелю они не могли противостоять.

Поляки и наемная пехота получили спасительную передышку. На пепелищах расхаживало “благородное рыцарство”, едва имея куда поставить ногу между трупами, и занималось ограблением развалин. Тащили золото, серебро, жемчуг, дорогое оружие — словом, всё, что имело ценность и не пострадало от огня. Богатства московского посада кружили головы оккупантам. . .

Поскольку Гонсевский нащупал единственную тактику, сохранявшую его людей от полного истребления и губительную для восставших, он решил применить ее в самых широких масштабах. С помощью пламени ему удалось свести поражение предыдущего дня к относительно приемлемому результату. Теперь он велел использовать поджоги повсюду и везде.

Поляки, не кривя душой, признаются: “Отдан был приказ: завтра, т. е. в среду, зажечь весь город, где только можно. В назначенный день, часа за два до рассвета, мы вышли из Кремля, распроставшись с теми, которые остались в крепости, почти без надежды когда-либо увидиться. Жечь город поручено было 2000 немцев, при отряде пеших гусар наших, с двумя хоругвями конницы. . .”¹⁵.

То, что произошло дальше, нельзя назвать сражением. На Москву обрушилась огненная бездна. Поляки с наемной пехотой выжигали квартал за кварталом, улицу за улицей. К несчастью, ветер способствовал их планам, быстро переноса пламя от дома к дому. . .

Совершенное в Москве на Страстной неделе 1611 года гарнизоном Гонсевского в XX столетии назвали бы военным преступлением. Но тогда сами участники побоища рассказывали о нем со странной гордостью. Необычная

вещь – польская рыцарская гордость. Чего только не запишет она в подвиги!

Москва еще не была окончательно потеряна: стрельба повстанцев наносила гарнизону урон, наши воеводы удерживали несколько ключевых позиций. Если бы дал Господь сил продержаться до подхода Ляпунова, битва могла бы повернуться совсем иначе.

Но все важные пункты на протяжении среды и четверга оказались утраченными.

Последним оплотом сопротивления стал острожек (деревянное укрепление), выстроенный по приказу Пожарского близ церкви Введения Богородицы на Сретенке. Поляки не могли ни взять острожек, ни устроить вокруг него пожар: бойцы Пожарского метко отстреливались и контратаковали. На него надеялись и те, кто еще сопротивлялись людям Гонсевского близ Яузских ворот: туда командиру поляков пришлось вновь послать большой карательный отряд.

Защитники острожка били из ружей, остужая пыл чужеземцев, почувствовавших аромат победы. Сретенка давно превратилась в развалины. Улицу завалило трупами русских, поляков, литовцев и немцев. Дмитрий Михайлович всё не отдавал своим ратникам приказа на отступление. Надеялся, видимо, на помощь от земского ополчения... И повстанцы слушались его, проявляли твердость, не оставляли позиций посреди пылающего города.

Но под конец их командир пал едва живой от ранений, тогда и дело всего восстания рухнуло. “Последние же люди Московского государства сели в Симоновом монастыре в осаде и начали дожидаться [прихода] ратных людей под Москву”¹⁶.

Страстной четверг опустил занавес скорби над залитыми кровью, испепеленными, разграбленными улицами русской столицы...

Силы оставили восставших. Воля к борьбе иссякла. Поляки лютовали в городе, выкашивая москвичей направо и налево. 21 марта вчерашние храбрецы, не видя ляпуновских знамен, начали сдаваться неприятелю.

Великий город обратился в пепел. Лишь Кремль, да Китай-город, да немногие каменные храмы сохранились в целостности. Исчезли хоромы богатых купцов. Пропали палаты дворян и бояр. Обратились в уголья дома искусных ремесленников. Дымными пустырями сделались ямщицкие и стрельцкие слободы.

Осталось плакать о горькой участи Москвы! Еще на Вербное воскресенье была она цветущим городом, несчитанные богатства переполняли ее, словно изысканное вино, переливающееся через край драгоценной чаши. К святыням ее спешили тысячи паломников. Мощь ее выглядела незыблемой.

И что теперь? Всё сгнуло, всё расточилось! Пал один из величайших городов христианского мира, принял участь, подобную страшным судьбам Содомы и Гоморры. Грехи людей Царства обрушились ему на голову, и страшный этот удар чуть не оказался смертельным. К Великой Пятнице Москва упала ничком, бездыханная.

Но... Кого Бог любит, того не оставляет без урока. А попустив даже такую вереницу несчастий, все же не лишает надежды.

Через бедствие, через испытание крайней тяжести Господь, возможно, желал заставить людей с праведным характером проявить себя, когда вокруг них исчез страх перед совершением греха. Праведники должны были встать на высшую ступень самоотвержения. Среди огня, в столкновениях с беспощадным противником, им следовало принести себя в жертву за весь русский православный народ того времени – за честных и лживых, за скверных и благочестивых, за изменников и добрых служильцев. Им надлежало постоять за веру и правду. До конца. Не щадя себя. Не сберегая жизни своих. В их необыкновенной стойкости, может быть, и заключалось главное значение всей битвы за Великий город.

Пожарский оказался одним из них.

Он стоял за православную веру, как просил патриарх. Он стоял за русский народ, ибо принадлежал ему. Он стоял за старый честный порядок, поскольку слом его принес горе всей стране.

Есть на свете единственный истинный консерватизм – консерватизм здорового тела, способного жить, расти, приносить потомство, а потому сопротивляющегося болезни и ранению. Во всяком живом организме заключена

исцеляющая сила – сила, стремящаяся остановить его разрушение. Когда он стар, когда он близится к естественному концу, оздоравливающая сила понемногу исчезает. Но пока дряхлость не наступила, организм борется за здоровье, за жизнь. В общественных организациях подобной исцеляющей силой, социальным иммунитетом, если угодно, является консерватизм. В эпоху смут консерватизм спасителен. На заре XVII века Московское государство заболело столь тяжело, что ему понадобились все, до самого дна, ресурсы консерватизма. Пожарский, истинный консерватор, *очиститель Царства*, поднялся гораздо выше идейного уровня, на котором пребывала его социальная среда. Коллективное сознание русской служилой аристократии – больное, дряблкое – не требовало от нее самопожертвования. Пожарский же осознал, до какой степени оно необходимо. В Зарайске князь отказался от преимуществ измены, затем от выгод служебного положения, оплаченного сомнительной лояльностью, а в Москве поставил на кон собственную жизнь. Не его вина, что дело было проиграно. Князь сделал всё от него зависящее. Он кровью заплатил за свои убеждения.

Может быть, эта кровь, кровь праведников, и есть лучшее из случившегося в годы Смуты. Народ наш, изолгавшийся было, изгрешившийся, оказался способен и на жертвенность, и на покаяние, и на исправление. Вот такому народу, истекающему кровью, обожженному огнем, Господь в конце концов даровал победу.

Кровь праведников – лучшая жидкость для закалки народного металла. Поражение в марте 1611-го закалило его, наделив невиданным упорством.

Если бы не было “Страстного восстания”, если бы не окунулся русский народ в позор, боль, ужас, то не вознесся бы он к вершинам преодоления Смуты, не вышли бы из Кремля гордые паны, бросая оружие к земским боевым знаменам. . .

Лето и осень 1611 года были ужаснейшей порой в русской истории. Государство исчезло, сгинуло. Его представляла шайка предателей, засевших в Кремле и пытавшихся править страной при помощи иноземных солдат. Воровские казаки жгли города и села, грабили, убивали. Шведы захватили весь русский Север по Новгород Великий. Войска польского короля стояли под Смоленском и посылали подмогу московскому гарнизону.

Из последних сил стояла на пепле столицы малая земская рать, да и у той начальники умудрились переругаться. Ляпунов, затеявший всё святое дело земского восстания, попытался укротить дикое буйство казаков, добиться дисциплины, справиться с разбойничьими наклонностями казацкой вольницы. Но он пал жертвой провокации поляков и злобы казачьей: его убили свои же. . .

Еще бы шаг в этом направлении, и пропала бы Россия, рухнула в пропасть, не возродилась бы никогда. Но сложилось иначе.

Оставались богатые города, не занятые поляками и не желавшие покоряться новой власти. В частности, Казань и Нижний Новгород. Тамошние дворяне, купцы и ремесленники имели достаточно веры в Божью помощь, достаточно воли и энергии, чтобы предпринять новую попытку освобождения страны. Второе Земское ополчение начали собирать нижегородцы во главе с торговым человеком Козьмой Мининым.

Еще не встав с одра болезни, Пожарский получил от нижегородцев приглашение – возглавить новое ополчение земских ратников.

По меткому выражению в одном историческом памятнике того времени, Минин “. . . собра полки многия и военачалника, изкусна во бранех, князя Дмитрея Михайловича Пожарского над всеми быти совосприподобил”¹⁷.

Собирая силы, Пожарский с нижегородцами рассылали по городам и землям грамоты. Смысл этих грамот лишь во вторую очередь – политический, агитационный. Прежде всего, они являются памятниками христианского мирозерцания, поднявшегося на небывалую высоту.

Составители грамот ясно понимают: “По общему греху всех нас, православных христиан, учинилася междоусобная брань в Российской государстве”. Вторжение “польских и литовских людей” – такое же несчастье, пришедшее попустием Господним “за грех всего православного христианства”. Восставая от греха, видя “неправду” чужеземцев, “. . . все города Московско-

го государства, сослався меж себя, утвердились на том крестном целованьем, что бытии нам всем православным христианом в любви и в соединении, и прежнего междоусобства не счинати, и Московское государство от... польских и от литовских людей очищати неослабно до смерти своей, и грабежей... православному христианству отнюдь не чинити и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати”...

Минин, Пожарский и его воинство покинули Нижегородчину в феврале 1612-го. Но на Москву двинулись не прямым путем.

В поисках пополнений земцы прошли по городам Поволжья от Нижнего через Балахну, Юрьевец, Кинешму, Плес и Кострому до Ярославля. Заняли Суздаль отрядом стрельцов князя Р. П. Пожарского.

Ополчение встречали с радостью, оказывали ему добровольную помощь. Так произошло в Балахне, Юрьевце, Ярославле. Подошли полки из Коломны, Рязани и Казани.

1 апреля 1612 года Ярославль встречал армию Пожарского.

Здесь ополчение простояло четыре месяца, накапливая денежные средства и подтягивая войска. Если из Нижнего вышел небольшой отряд, то в Ярославле сформировалась настоящая армия. Пожарский довел ополченцев до Ярославля, создав из пестрой толпы дисциплинированную боевую силу. Там же возникло и “временное правительство” – Совет вся земли, а вместе с ним приказы (средневековые министерства), монетный двор... Фактически Ярославль стал на время российской столицей.

Москва – обезображенная, обескровленная, почти мертвая – должна была отдать другому городу царственный венец старшинства.

Документы Совета земли начинались со слов: “По указу Московского государства бояр и воевод, и стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи...” У России не было тогда государя, но некоторые из его функций принял на себя князь Пожарский. На территории, контролируемой Первым земским ополчением, судили, выдавали грамоты на поместья, собирали деньги и занимались иными делами правления Трубецкой с Заруцким. Под их властью фактически выросло независимое южнорусское государство. Там, где стояли отряды Второго земского ополчения, утверждалось другое независимое государство – севернорусское. Минин и Пожарский собирали налоги, ставили должностных лиц, раздавали земли служилому люду, ставили в строй новые отряды точно так же, как их подмосковные “коллеги”.

Стояние в Ярославле продлилось до июля 1612 года.

Чем сильнее становилось Второе земское ополчение, а вместе с ним – независимое севернорусское государство, тем более накалялись его отношения с вождями подмосковного земства. Минин с Пожарским шли очищать Москву от чужих, а порой свои оказывались намного чужих горше. Приходилось применять воинскую силу, защищая города и земли от казачьего разбоя, прямо связанного с подмосковными “таборами”. Так, из Переяславля-Залесского к Совету вся земли приехали “...бить челом начальникам всякие люди, что им от Заруцкого утеснение великое: не только что опустошил уезд, но и посады. Начальники послали воеводу Ивана Федоровича Наумова с ратными людьми. Иван же пришел в Переславль, и казаков отогнал, и Переславль укрепил”¹⁸.

Заруцкий больше не воспринимался как союзник. Его “воровское” поведение обличали. С ним не хотели иметь дела. Его зов идти под Москву игнорировали, поскольку ни единому слову его не верили.

Чувствуя непримиримую вражду к Пожарскому, Заруцкий послал в Ярославль убийц. Открыто напад на Дмитрия Михайловича с ножом, один из душегубов ранил охранника, но князю не причинил вреда. Мерзавца схватили, пытали, и на пытке он во всем сознался.

На исходе июля Второе земское ополчение двинулось, наконец, к столице.

Авангардные части нижегородского ополчения скоро добрались до Москвы и там укрепились. А войско медленно шло от Ярославля к Ростову, от Ростова к Переяславлю-Залесскому, а оттуда – к Троице-Сергиевой обители.

Основные силы Второго ополчения добрались до Москвы 20 августа в канун дня святого Петра-митрополита.

С запада на город скорым маршем двигался мощный корпус гетмана Ходкевича. Столкновение с ним должно было решить судьбу российской столицы.

Ходкевич подступил к Москве утром 22 августа. Гетман двигался от Полонной горы к центру города. Он перешел Москву-реку близ Новодевичьего монастыря и, оставив рядом с обителью огромный обоз, устремился к местности у Пречистенских (Чертольских) ворот. “И начался смертный бой, — пишет современник. — А где великое сражение, там и много убитых! С обеих сторон был беспощадный бой. Друг на друга направив своих коней, смертоносные удары наносят. Свищут стрелы, разлетаются на куски мечи и копья, падают всюду убитые”¹⁹. Все источники как один говорят о страшном ожесточении вооруженной борьбы: шел “бой большой и сеча злая”.

Сражение продлилось несколько суток. Полякам сначала нанесли поражение на подступах к западной части Москвы. Затем разгромили вылазку кремлевского гарнизона. А после того, как Ходкевич попытался прорваться в центр через Замоскворечье, его разгромили и там.

Битва в Замоскворечье, на Большой Ордынке шла целый день и дорого обошлась обеим сторонам.

Тактические уловки утратили всякую ценность, обе стороны просто дрались на износ. Кто кого переупрямит. Превосходство польской армии в качестве, вооружении и дисциплине исчезло. А вот единственный козырь земцев — воодушевление людей, сражающихся за свою землю, — сохранил силу. Поляков понемногу ломали.

Хотел гетман такого исхода или не хотел, а его постепенно выдавливали с позиции в Замоскворечье. Ходкевич не выполнил стоящую перед ним задачу. Гетману требовалось доставить провиант осажденному в Кремле гарнизону. Что он теперь мог доставить, если телеги его с “ларями” достались мужественным ополченцам? Его армия утратила наступательный порыв. Ее морально раздавили на кривых московских улицах. Гетман не просто отступил, он лишился победоносной армии, оставшись с кучкой уstraшенных, едва спасшихся ратников.

В армии Пожарского принялись совершать молебны, благодарить в молитвах Пречистую Богородицу, московских чудотворцев и преподобного Сергия. Звонили колокола в уцелевших среди всеобщего разорения храмах. Священники отпевали павших. Тысячи тел нашли вечное упокоение в могилах. Велика была жертва, принесенная нашим народом. Ею куплены были свобода и чистота веры. Но более того — возможность продолжить путь из бездн шатости и скверны, куда погрузилась Московская держава.

Разбить Ходкевича означало — решить промежуточную задачу. Гетман шел спасать кремлевский гарнизон от голода. А гарнизон ждал помощи короля Сигизмунда III. В свою очередь, король мечтал укрепиться в Москве навсегда. А монарх польский и литовский мог набрать и более значительную армию, чем та, которой располагал Ходкевич.

Кремль с монастырями и соборами, со святынями и гробницами государей да разоренный дотла Китай-город парадоксальным образом превратились в опухоль, не дававшую ожить сердцу России. Пока стоял там непримиримый враг, пока горсть иуд прислуживала этому врагу и даже платила ему за военную службу, страна обречена была страдать от тяжелой хвори. Раньше твердыня кремлевская играла роль ядра для всего русского государственного порядка. Теперь добрый порядок мог восстановиться лишь с падением чужой силы, занявшей Кремль. Великий славный Кремль, никем никогда не взятый на щит, возвышался над умирающей страной как темная скала. Башни его торчали из тела России, словно острия копий, пронзивших живую русскую плоть.

Через две недели после ухода Ходкевича русское войско организовало бомбардировку Кремля и подожгло палаты князя Мстиславского, но полякам удалось потушить пожар. Несколько суток спустя ополченцы бросились на штурм Кремля, однако были отбиты²⁰.

Возникает вопрос: какие обстоятельства мешали ополченцам начать давление на Китай-город и Кремль сразу после победы над Ходкевичем?

Прежде всего, общее дело страдало от несогласия между главными полководцами двух земских ополчений.

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой требовал от Минина и Пожарского если не повинования, то хотя бы формальных почестей, соответствующих высоте его рода; Пожарский не соглашался. «Начальники же начали между собой быть не в совете из-за того, что князь Дмитрий Тимофеевич хотел, чтобы князь Дмитрий Пожарский и Кузьма ездили к нему в таборы, — сообщает летопись. — Они же к нему не ездили, не потому, что к нему не хотели ездить, а боясь убийства от казаков»²¹.

Трубецкой должен был пойти на уступки ради общей победы. Честь его родовая стоила невероятно дорого по представлениям того времени... Надо отдать должное этому аристократу: он все-таки решил поступиться частью ее ради высокой цели. Единое руководство русскими освободительными силами стало неоспоримой необходимостью. Соединение двух властей потребовало жертв и от Дмитрия Тимофеевича. Он заключил с Пожарским компромиссное соглашение. «И приговорили — повествует летопись, — всей ратью съезжаться на Неглинной. И тут же начали съезжаться и земское дело решать»²².

С тех пор Пожарскому не требовалось признавать положение «второй скрипки» в оркестре военного командования, уезжая в чужой стан. Трубецкой в этом уступил. Но в документах, отправляемых по городам от имени земского руководства, первым писали Трубецкого. Тут уступил Пожарский.

И слава Богу! Меньше гордыни — меньше греха. Объединившись, русские стали сильнее. Малый шагок сделан был в сторону преодоления эгоистического духа Смуты, но совершили его великие люди и на виду у всей страны.

Из нескольких грамот земского руководства, разосланных в конце октября 1612 года, ясно видно, с какой радостью само воинство отнеслось к примирению воевод: «И были у нас посяместа под Москвою розряды разные, а ныне, по милости Божии, меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрией Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей, стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякия хитрости, и розряд и всякия приказы поставили на Неглинне, на Трубе, и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно и над московскими сидельцами промышляем»²³.

Что ж, тут было чему радоваться: всей земле вышло ободрение. Смута учила ссориться и раздроблять силы. Прямо противоположный пример вселял надежду на ее преодоление.

Однако преодоление розни между двумя полководцами далеко не исчерпывало проблем, стоявших перед земским воинством. Не напрасно Пожарский говорил о «розни» его людей с казаками. После общей победы она вспыхнула с новой силой. «Паки же диавол возмущение велие в воинстве сотвори: вси казаки востаяще на дворян и на детей боярских полку князя Дмитрея Михайловича Пожарского, называюще их многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе; и хотяху разытиса от Московского государства, инии же хотяху дворян побити и имена их разграбити...» — рассказывает Авраамий Палицын²⁴.

Волнения, вспыхивавшие среди казаков, могли закончиться настоящим большим бунтом и даже вооруженной сварой между ними и дворянами. Пожарский призвал на помощь Троице-Сергиевское духовенство. Авраамий Палицын рассказывает о чрезвычайных мерах, пондобившихся для того, чтобы укротить казачью стихию: «И бысть в них (казаках. — **Д. В.**) велико нестроение. Сиа слышавше во обители чудотворца Сергия, архимарит и келарь и старцы соборные сотвориша собор: бе бо тогда, в казне чудотворцове скудость деньгам велиа бысть, и не введуще, что казаком послати и какову почесть воздати и о том у них упросити, чтобы ис-под Московского государства неотомстивше врагом крови христианския не розошлись...» — Парадоксальная ситуация! Свято-троицкое монашеское начальство размышляет, откуда бы добыть денег для умасливания казаков. Уже и речи нет о поучениях, о словах духовных, о проповеди крепкого стояния за веру. Что архимандрит Дионисий, что келарь Авраамий размышляют лишь об одном: как еще раздобыть им денег после того, как обитель претерпела страшную осаду и много раз помогала ратным людям? Дать-то уже нечего! Но с пустыми руками к казакам не ходи: они суровые воители, и мужество их требуется постоянно оплачивать. Тут одними поучениями точно не обойтись!

В итоге Троицкие власти решились просто отдать казакам в заклад бого-служебные предметы и одежды священников. Предполагалось, что в скором времени обитель святого Сергия выкупит их за тысячу рублей серебром – огромную для начала XVII столетия сумму. Двух серебряных копеечек хватало на суточную норму пропитания...

Посовестились казаки. Не стали обирать славнейшую обитель на Руси. Хотя и выломившиеся из общественного уклада, а все же христиане – не решились набивать мешну *подобным способом*. И за то следует воздать им благодарную память. Буйный народ, но от Христа не отошедший, не церковные тати, не вероотступники.

Укрепившись духовно, ополченцы взяли Кремль и Китай-город в крепкую осаду. Имеется множество свидетельств о том, на какие страдания обрек себя польский гарнизон.

“Вновь начался голод и до такой степени дошел, что всякую нечисть и за-прещенное ели, и друг друга воровски убивали и съедали. И, потеряв силы от голода, многие умерли”, – пишет русский современник о поляках²⁵. Когда вооруженная борьба прекратилась и ополченцы вошли сначала в Китай-город, а потом в Кремль, они увидели там устрашающие знаки недавнего прошлого. Разрытые могилы, кошачьи скелетики, чаны с засоленной человеческой. Мертвецов бережно хранили, развесив туши по чердакам. Драгоценное мясо закатывали в бочки – кое-кто из осажденных запасался провизией на зиму...

Трубецкой и Пожарский готовились к новому штурму, расставляли артиллерийские батареи, малыми группами прощупывали, сколь бдительно поляки охраняют стены.

Летописи четко указывают место и время, где и когда русские войска произвели атаку: “...на память Аверкия Великого”, “...с Кулишек от Всех Святых от Ыванова лужку... октября в 22 день, в четверг перед Дмитревскою суботою”. Иначе говоря, русские ударили со стороны Всехсвятского храма на Кулишках, там, где Китайгородская стена подходила к побережью Москвы-реки²⁶. Бой начался рано утром, когда бдительность польских караулов притупилась.

Та часть охраны Китайгородской стены, которая не успела отступить в Кремль, полегла на месте. Имущество ее казаки Трубецкого разделили между собой. Взятие Китай-города – большой успех. Мощные стены его представляли собой серьезное препятствие для земских отрядов. Когда ополченцы все-таки преодолели его, польский гарнизон должен был понять: дни его сочтены. Та же судьба в ближайшем будущем ожидает и последнюю твердыню, которую удалось сохранить от русского натиска. И результат нового штурма будет аналогичен тому, что произошло на предыдущем приступе: всех защитников просто перебьют.

По новому календарю 22 октября приходится на 4 ноября – День народного единства. Этот праздник исторически связан с последним большим боем между земским ополчением и оккупантами. Бой закончился победой русского оружия, он приблизил окончательное освобождение Москвы. Ныне историческая память о тех событиях обновилась: Россия славит героическое усилие земских ополченцев, проливавших кровь за очищение русской столицы.

Вскоре польский гарнизон принужден был сдаться на милость победителей...

Начались переговоры.

Первая достигнутая договоренность состояла в том, что перед поляками из Кремля выйдут русские. Авраамий Палицын пишет: “И прежде отпустили [поляки и литовцы] из града боярина князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, и дворян, и Московских гостей и торговых людей, иже прежде у них быша в неволи”²⁷. Троице-Сергиевский келарь очень осторожен в выражениях. Действительно, многие из московских дворян и купцов оказались у польского гарнизона в жестокой неволе. Но кое-кто немало способствовал проникновению вооруженного врага в сердце русской столицы.

Казаки пришли к воротам, желая учинить расправу и ограбление кремлевских сидельцев. На этот раз они изготовились защищать свой материальный интерес силой оружия. “Казаки же, видя, что пришли на Каменный мост

все бояре, — повествует летопись, — собрались все с знаменами и оружием, пришли и хотели с полком князя Дмитрия биться, и едва у них без бою обошлось. Казаки же пошли к себе в таборы, а бояре из города вышли. Князь Дмитрий Михайлович принял их с честью и воздал им честь великую”²⁸.

У ворот встречали русских людей, избавленных от осадного сидения, друзья их, родственники, добрые знакомые. Много ли, мало ли было темных личностей среди тех, кто оказался заперт в Кремле, а всё же стоит пожалеть их всех: не люди, а призраки выходили из заточения. Шли, покачиваясь, исхудалые и больные, едва живые. И современники с христианской жалостью отнеслись к ним. Их избавление сравнивали с освобождением зверя или птицы “из силков”²⁹, а значит, большинство несчастных ни в чем не провинились перед верой и отечеством. Просто попустил им Господь великое мучение. Расходясь от ворот, поддерживаемые руками родичей и товарищей, эти страдальцы находили стол и кров поблизости. По Москве уже стучали топоры, на пустырях, вокруг печиж воздвигались новые тесные хоромы, и там хозяйки грели пищу — для тех, кто давно не мог насытиться ею вдоволь. Пусть и скуден был этот припас в закромах отощавшей Седьмохолмой, но все же он явился для бедных людей истинным спасением.

Великий город оживал мучительно и трудно. Горячая кровь едва пробивала себе дорогу по венам его и артериям, намертво промерзшим в холодную зиму иноплеменного владычества. И люди, не веря себе, еще не разрешая себе надеяться на добрый исход, все-таки чувствовали: смерть отступает, холод отступает! Возрождается истерзанная Москва. На груди ее начинают затягиваться глубокие раны. Может быть, вернется сюда жизнь, может быть, опять закипит торг, опять звон колокольный по праздничным дням разольется от сотен храмов, ныне пустых и лишенных богомольного пения. Может быть, всё будет хорошо, и Богородица вновь расстелет в небе над русской столицей свой защитительный Покров. Может быть...

Почему Дмитрий Михайлович Пожарский вступился за кремлевских сидельцев? Могло дойти до настоящего большого сражения между вчерашними союзниками — казаками и дворянами! И не дошло, надо полагать, лишь по двум причинам. Во-первых, дворян под командой Пожарского оставалось изрядно, и казаки утрастились. Во-вторых, им, вероятно, обещали кремлевскую казну. Так почему Пожарский вновь вырвал у казаков из глотки живую добычу?

Смута разрешает убивать без суда и следствия, а добрый государственный порядок требует расследования. Прежде всякой казни, по закону Божеским и человеческим, необходимо определить, кто изменник и достоин смерти, а для кого уместно снисхождение. Дмитрий Михайлович желал соблюсти норму человеческого общежития, и за нее многим рискнул...

Такая его доброта давала московским жителям надежду: а вдруг и впрямь возвращаются времена, когда жизнь человеческая стоила больше, чем кусок хлеба? Меньше стало русских людей, дворянство сжалось, будто шагреновая кожа; наверное, там, наверху, в штабе Пожарского, начали понимать: больше нельзя разбрасываться жизнями соотечественников... Накладно! Если так, — полагали, очевидно, москвичи, — значит, забрезжил свет в доселе непроглядной тьме, накрывшей великий город.

И в конечном итоге князь оказался прав. Многие из тех, кто покинул Кремль в октябре 1612 года, пережив ужасающие месяцы заточения, станут крупными правительственными деятелями, послужат новому государю и России. Страшно обезлюдевшая страна нуждалась во всяких служильцах. Даже в тех, кто прежде являл колебания и измену. Многих, очень многих простили, следуя логике Пожарского. А простив, дали дело, дали возможность проявить добрые качества на благо державы. Новая, послесмутная Россия строиться будет на любви, на примирении, на забвении старых свар, а не на мести.

Кремль пал 26–27 октября 1612 года. “На память святого великомученика и чудотворца Димитрия Солунского”, — добавляет благочестивый московский книжник, видя промыслительную связь с именами обоих русских полководцев: Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского. Для двух земских воинств победа над иноплеменным врагом означала нечто гораздо большее, нежели простой военный успех. Она воспринималась как милость, поданная силами небесными. В ней видели мистический смысл и славили в первую очередь не

полководцев за их воинское искусство, а Пречистую Богородицу за Ее великое благоволение.

1 ноября оба ополчения совершили крестный ход с иконами и молитвенными песнопениями. Люди Трубецкого шли от Казанского храма за Прокровскими воротами, а люди Пожарского – от церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Московское духовенство присоединилось к ополченцам. Первенствовал среди священнослужителей Дионисий, архимандрит Троице-Сергиевский. Две колонны сошлись у Лобного места, и тогда им навстречу вышел из Кремля архиепископ Арсений в окружении иереев, с чудотворной иконой Богородицы Владимирской в руках. Армия победителей отслужила благодарственный молебен Пречистой.

Тогда и миновал пик Великой Смуты. Русский корабль начал понемногу сходить с рифов.

В начале января 1613 года начал работу Земский собор. Его заседания проходили в Успенском соборе Кремля.

К Москве съехались многие сотни “делегатов”, представлявших города и области России. По некоторым сведениям, их число превышало тысячу. Собрали тех, кто сумел прибыть: иные опустевшие земли и послать-то никого не могли. К тому же, страна была переполнена шайками “воровских” казаков, бандами авантюристов всякого рода, часть их контролировали шведы, часть – поляки с литовцами, часть – казачье воинство Ивана Заруцкого. Но те, кто все же явился, представляли огромную территорию и могли совокупным своим голосом говорить за всю державу.

Худо им приходилось в голодной, разоренной, морозной Москве. Пищу, жильё и даже дрова трудно было отыскать в призрачном городе, занятом большей частью заиндевелыми печами да заснеженными пустырями, на окраинах которых робко теснились свежие дома-скорострой. Закопченные церкви вздымали к небу скорбные пальцы колоколен, печально плыл над развалинами звон, утративший прежнюю мощь.

Собор всей земли совершал великое дело восстановления русской государственности. Главной задачей его стало избрание нового монарха. “А без государя Московское государство ничем не строится и воровскими заводы на многие части разделяется и воровство многое множится, – справедливо считали участники Собора. – А без государя некоторыми делы строить и промышлять и людьми Божиими всеми православными христианы печися некому”³⁰. **Но определение проходило в спорах и озлоблении. Участники собора не быстро решили эту задачу и не единодушно. “Пришли же изо всех городов и из монастырей к Москве митрополиты и архиепископы и всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то [своего] говорил, забыв писание: “Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призовет, того и прославит”. Было же волнение великое”**³¹.

Имя Михаила Федоровича окончательно восторжествовало на соборных заседаниях 21 февраля 1613 года. Под сводами Успенского собора, главного для всей русской земли, его нарекли государем.

11 июля состоялось венчание на царство, а вслед за нею начались большие торжества.

В конечном итоге всё устроилось ко благу России. Господь благословил царствие Михаила Федоровича Романова. Страна с трудом, но поднялась, принялась восстанавливать силы.

Должно быть, это хорошо и правильно, когда народ, с невыносимой болью очищающий себя от греха, делает своим царем невинного отрока. Безгрешная его душа в сердце стонущей, полуразрушенной державы, под защитой сабель и пищалей, в окружении древних святынь и современной скудости милее была Богу, чем душа какого-нибудь прожженного интригана. Он ведь, наверное, и молился чище – за свой народ, за свою землю... Его слабость, его чистота лучше защищали страну, нежели бешеный темперамент столпов Смуты. Он почувствовал дух смуты, он видел, как поддаются вельможи соблазнам бесчинства, но сам не узнал падения. И Владыка Небесный был милосерден и щедр к молоденькому государю. Столько милосердия и щедрости не досталось ни многомудрому Борису Годунову, ни многоопытному Василию Шуйскому...

С его приходом Смута стала утихать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 55.
- ² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 82.
- ³ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 403.
- ⁴ Этот термин имеет позднее происхождение, в XVII веке так боярское правительство не называли.
- ⁵ Были и другие “статьи”: правительство хотело оградить русскую аристократию и дворянство от назначений на важные должности иноземцев и от потери ими особого, привилегированного положения в государстве; царю следовало править в “совете” с Думой. В первоначальном варианте эти условия давали гарантию для сохранения национально-культурной самобытности России. Но потом о них забыли.
- ⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 103–104.
- ⁷ Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 351.
- ⁸ Хворостинин И. А. Словеса дней и царей, и святителей // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 459.
- ⁹ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 194.
- ¹⁰ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 68.
- ¹¹ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 69.
- ¹² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108.
- ¹³ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108.
- ¹⁴ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 61–62.
- ¹⁵ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 64–65.
- ¹⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 108–109.
- ¹⁷ Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 354.
- ¹⁸ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 121.
- ¹⁹ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 417.
- ²⁰ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб. 1872. С. 327, 339.
- ²¹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126.
- ²² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 126.
- ²³ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. С. 273, 274.
- ²⁴ Сказание Авраамия Палицына. Глава 68.
- ²⁵ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 417.
- ²⁶ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 26; Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 218.
- ²⁷ Сказание Авраамия Палицына. Глава 70.
- ²⁸ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 127.
- ²⁹ Шаховской С. И. Летописная книга. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 419.
- ³⁰ Акты земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 19. М., 1957. С. 189.
- ³¹ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 129.